

Чтобы показать свою близость к народу, евнух Гао лично вышел из паланкина, взял его под локти и бережно приподнял, с улыбкой произнеся:

— Праведный муж, скорее вставай! Доблестный Цуй, забыв о себе ради государства, проливал кровь в битве с еретиком. Когда Его Величество услышал о твоём благородном поступке, то вздыхал от восхищения и нарек тебя верным и праведным человеком. Как же я могу принимать твой поклон?

Чем больше он разглядывал Цуй Се, тем сильнее радовался. Евнух Гао со вздохом добавил:

— И правда, внешность обманчива! Я слышал, что праведный Цуй молод, но не думал, что вы так пригожи и утонченны. Подумать только, такой юный господин смог, умывшись собственной кровью, вступить в бой с сильным и опасным еретиком! Поистине, герои рождаются среди юнцов!

Цуй Се, который еще недавно в зале суда без единой запинки искажал факты и выхвалял своего смертельного врага, от такой искренней похвалы вдруг почувствовал, как к щекам приливает тепло.

На самом деле в этом была не только его заслуга, но и цянью Се с товарищами, а также бесчисленных фильмов и сериалов об Учении Белого Лотоса из будущего. Сам он сделал далеко не так много.

Он тут же попытался прояснить положение дел, но цянью Се перебил его:

— Молодой господин Цуй, не стоит скромничать. В тот день, когда еретик схватил вас в заложники, ваш удар и кувырок были как нельзя к месту. Если бы вы не перебили ему переносицу, из-за чего он не мог открыть глаз и свободно дышать, мне бы не удалось так гладко схватить его. Евнух Гао прибыл с высочайшим повелением наградить вас за заслуги, так что принимайте награду со спокойным сердцем.

«Разве мне не говорили, что пока я жив, высочайшего пожалования мне не видать?»

Цуй Се с недоумением взглянул на цянью Се, но тот словно не заметил его немого вопроса и лишь улыбнулся:

— Молодой господин Цуй просто сбит с толку от радости. Такова воля государя! Разве не пора спешить домой, прибрать двор, отворить парадные ворота и подготовить курильницу к принятию указа?

Начальник уезда Ци тем временем подбежал вместе с уездным помощником. Он поспешил отпустить пару комплиментов и тут же распорядился своему советнику:

— Молодой господин Цуй никогда не сталкивался с такими важными событиями. Возьми людей и помоги ему всё устроить. Смотри, чтобы всё прошло безупречно!

Цуй Се спешно попрощался со всеми, намереваясь отправляться домой для приготовления к встрече указа.

Однако евнух Гао не торопился отпускать его руку:

— Молодой господин Цуй, не спешите уходить. Мне показалось, я слышал, будто вы пришли в уездную управу с жалобой? На кого же вы хотите пожаловаться? Если вас кто-то обидел,

говорите прямо здесь. Начальник уезда Ци разберется по справедливости. А если найдется тот, кто ему не по зубам, то за вашей спиной стоят Цзиньивэй и я! Мы ни за что не позволим, чтобы праведный муж терпел обиды от ничтожеств.

Цуй Се с глубокой благодарностью ответил:

— Благодарю вас за заботу, евнух Гао. Соседи в Цяньане добры и прямодушны, никто меня не обижал. Младший лишь с помощью соседей схватил вороватого слугу, предававшего своего господина. Архивариус Чэнь из управы уже заточил его в тюрьму, а начальник уезда мудро ведет дело, так что скорое решение не заставит себя ждать.

Начальник уезда Ци непрестанно кивал, а архивариус Чэнь слегка приподнял уголки губ и опустил голову, скрывая радость в глазах.

Евнух Гао слегка улыбнулся и многозначительно произнес:

— Так вот о какой мелочи речь. Такого раба-вора, предающего хозяина, не грех и насмерть забить. Раз уж молодой господин Цуй передал его в руки властей, уездный начальник Ци, выносите приговор по всей строгости закона, чтобы праведник не остался в обиде.

Евнух Гао происходил из Управления церемоний. Хотя по влиянию он и уступал главному верховному евнуху, все же пользовался особой благосклонностью императора. Стоило ему взяться за дело Цуй Се и написать пару строк на записке, как любые инстанции от Юнпинской управы до Министерства наказаний уладили бы все в лучшем виде, и никто не посмел бы оспорить приговор, вынесенный в Цяньане.

Цуй Мин распускал слухи, порочащие Цуй Се в несыновней почтительности, а также болтал о том, будто Цуй Цюэ с супругой нарочно притесняют пасынка, за что был признан виновным в оскорблении главенствующих в роду. Тайная распродажа господского имущества составила второе преступление; а поскольку преступление слуги карается на две степени тяжелее, чем кража, совершенная простым человеком, оно также каралось удушением. По совокупности двух преступлений его приговорили к удушению с отсрочкой исполнения.

Цуй Се, будучи человеком из XXI века, не привык к законам, с такой легкостью лишаящим человека жизни, и поневоле захотел за него заступиться.

Едва он собрался открыть рот, как евнух Гао разгадал его мысли и с улыбкой заговорил:

— Увидел, что вора приговорили к удушению, и пожалел его? Такую воровскую кость нельзя щадить! Вы — совсем еще юное дитя, живете в глуши, откуда вашим родителям знать правду? А такие подлые слуги только и делают, что сеют раздор. Вы не только натерпите горя, но и он, оговаривая вас перед родителями, со временем изведет остатки их родительской любви.

Для евнухов вся честь и позор зависели исключительно от императора, и больше всего на свете они боялись оказаться вдали от Центрального секретариата, где кто-то мог бы очернить их в глазах государя. Поэтому евнух Гао так близко к сердцу принял это дело: он искренне считал, что такой злодейский слуга, как Цуй Мин, губящий чужое будущее и лишаящий милости, заслуживает казни, и сохранить ему тело целым при удушении — это слишком щедрое благодеяние.

Цяньху Се с улыбкой вмешался:

— Обвинение в оскорблении главенствующих в роду притянута за уши, а одной лишь кражи на

обезглавливание не хватает. Евнух Гао из лучших побуждений покровительствует молодому господину Цуй, однако с тех пор как в марте упразднили Сичан, придворные цензоры пристально следят за Дунчаном и внутренним дворцом. Будет нехорошо, если из-за какого-то раба-вора им дадут повод для импичмента. Так или иначе, преступника отправят по месту жительства для изъятия краденого. Когда Цуй Цюэ узнает об этом, он наверняка обыщет его дом и найдет еще больше похищенного имущества, так что приговор станет совершенно незыблемым.

Евнух Гао кивнул и засмеялся:

— Все же цяньху Се мыслит куда осмотрительнее. Это семейное дело Цуй Цюэ, и нам не следует решать все самим. Он должен лично узнать, что его дитя терпело обиды на чужбине, чтобы проникнуться состраданием.

Он взглянул на Цуй Се и подманил его рукой:

— Молодой господин Цуй, вы ведь еще не знаете, кто попросил двор о высочайшем пожаловании для вас? Это как раз цяньху Се! Как только завершилось дело об еретических учениях, он раз за разом просил командующего Ваня ходатайствовать об императорском милосердном указе. Лишь позавчера удалось получить высочайшее повеление, и мы отправились сюда. Я всего лишь оглашаю указ, а вам следует от всей души поблагодарить цяньху Се за покровительство.

Ходатайствовал о пожаловании цяньху Се?

Цуй Се был искренне изумлен. Ведь тогда в Цяньане именно цяньху Се заявил, что не станет просить за него... Кто бы мог подумать, что за его спиной он сделал подобное! Возможно, получить похвалу от императора было слишком сложно, и цяньху Се ничего не говорил заранее, опасаясь расстроить его в случае неудачи?

Он поспешно поднялся, склонился в поклоне и поблагодарил цяньху Се за заботу. Сидевшие рядом начальник уезда Ци и уездный помощник Тянь обменялись беглыми взглядами, заново переоценивая положение юноши.

Цяньху Се спокойно принял поклон, подхватил его за локти и поднял, с мягкой улыбкой произнес:

— Молодой господин Цуй, не стоит формальностей. Дело об еретических учениях велось по личному повелению императора и имело огромное значение. Вы помогли мне схватить главаря еретиков, патриарха Сюя, и это уже великая заслуга. К тому же у вас есть заботливая матушка. Когда я направил записку в ваш дом, ваша почтенная матушка специально подослала людей с сотней лянов серебра, явно желая, чтобы я позаботился о вас...

Цуй Се широко раскрыл глаза, совершенно не понимая, какую игру ведет госпожа Сюй.

Голос цяньху Се чуть понизился, едва касаясь его уха:

— Ваш почтенный родитель, похоже, питает некоторое недопонимание к Цзиньивэй. За столько времени он не прислал мне ни строчки, будто и не видел моей записки. Я не дерзнул разгадывать его замыслы, а потому, согласуясь с серебром и материнской любовью вашей матушки, смог лишь выхлопотать для вас высочайшее пожалование как праведному мужу.

Цуй Цюэ не получил записку? А госпожа Сюй дала Цзиньивэй сотню лянов серебра? Неужели

она утаила записку, не желая, чтобы Цуй Цюэ узнал о заслугах сына на чужбине? А этот цяньху Се ошибочно принял это за подкуп Цзиньивэй и, взяв деньги, честно исполнил уговор, добыв императорский указ с похвалой...

Прекрасная ошибка!

Видя, как Цуй Се о чем-то напряженно размышляет, а затем на его лице появляется прозрение и едва заметная радость, цяньху Се не удержался от смешка. Он слегка похлопал юношу по плечу и произнес громче:

— Время уже раннее. Молодой господин Цуй, оставайтесь-ка и пообедайте прямо в управе, а затем вместе с евнухом отправляйтесь домой для оглашения указа.

Евнух Гао подхватил:

— Я и сам так думал. Слышал, молодой господин Цуй знает отличные рецепты виноделия. А сам-то пьешь?

Цяньху Се мельком взглянул на него и качнул головой:

— В столь юном возрасте какое там вино! Лучше уж мы с господами из уезда Цяньань составим компанию евнуху.

В управе давно уже был накрыт пир. Чиновники звонко кутировали в узорчатом зале, стражники Цзиньивэй расположились за отдельным столом снаружи, а Цуй Се уединился с богатым обедом в боковом флигеле; пришедших с ним свидетелей отпустили по домам. Служители управы налили ему сладкого густого рисового вина, уверяя, что от него не пьянеют. Однако это тело, похоже, совсем не знало хмеля, и после пары кубков у него затуманилось в глазах, а к щекам прилил жар.

Ему не особо хотелось есть, поэтому он просто отложил палочки и вышел на галерею подышать свежим воздухом.

Знакомый капитан Дун тоже перебрал с вином и вышел по нужде. Увидев Цуй Се, прислонившегося к столбу, он сощурился, узнал его и подошел с расспросами:

— Молодой господин Цуй, что с вами? Неужто хмель в голову ударил?

Цуй Се слегка качнул головой:

— Нет-нет, капитан Дун, не беспокойтесь. Я просто так рад скорой награде от императора, что кусок в горло не лезет. Я знаю, что этой похвалой обязан стараниям цяньху Се, и даже не ведаю, как его отблагодарить.

<http://bllate.org/book/18372/1761248>